Красные дьяволята-remake

Автор:
Елена Нестерина

Красные дьяволята-remake

Елена Вячеславовна Нестерина

Кто они – красные дьяволята? Это не слуги дьявола, а просто ребята, вдохновлённые подвигами краснокожих индейцев, которые боролись за свою независимость. Это те, кого ждут героические приключения, романтические подвиги, для кого чужие страдания важнее собственного благополучия. Что значит remake? Это значит, что история старинных «красных дьяволят» представлена по-иному. А «красные» они потому, что, вдохновившись книгой об индейцах. Хотя были они и с красными, и с белыми, и со свободолюбивыми повстанцами. Но всё-таки выбрали свой путь – и, оседлав боевого слона, поехали по России-матушке. Где кому помочь, за кого заступиться? Стали Мишка, Дуняша и Ли народными заступниками. Только нужны ли такие герои? Ждут ли ещё их, казалось бы, ушедших в вечность?..

Пролог

Глухая ночь опустила на мир свой чёрный полог. Вдали угрожающе ворчал гром, вспыхивали белые молнии; словно от страха, трепетали вершины дубов.

Но что это?

Далеко над лесом пролетела красная горящая искра, за ней другая, третья… В тёмной чаще заиграли языки пламени.

Кто же дерзнул зажечь огонь в этом угрюмом лесу в такую тревожную ночь, да ещё так далеко от людского жилья?

У костра под могучим дубом сидели трое. Пышный убор из перьев спускался с головы на спину одного из них – того, в чьих руках была сейчас прямая и длинная курительная трубка, украшенная бахромой и бусинами на раскачивающихся верёвочках. Крепкий, широкий в плечах, этот первый казался сильным не по летам. А лет ему, как и второму, сидящему у костра человеку, было очень немного.

Этот второй, приняв у своего товарища трубку, затянулся горьким дымом, подавился, но даже не поморщился, проявив завидную выдержку и твёрдость характера. Он был явно слабее первого, но зато ловкий и гибкий, как лоза. Его чёрные волосы были перехвачены узкой кожаной лентой и заплетены в две косы. Рукава черкески – от плеча до самых пальцев, украшала бахрома. Которая закачалась, отбрасывая в свете костра на землю причудливые тени, когда он передал трубку третьему.

Третий тоже чинно поклонился и, отложив в сторону карабин, с которым, видимо, никогда не расставался, принял от второго трубку. Волос его видно не было – поскольку голова этого таинственного человека оказалась замотана куском материи. И перо, маленькое полосатое пёрышко, было воткнуто под эту материю у самого уха. Парень тоже отличался стройностью и статностью, а его юное лицо все без исключения женщины назвали бы прекрасным.

Кто-то четвёртый незримо присутствовал с ними – поблизости чувствовалась неведомая, но грозная сила. Или это просто скрипел деревьями старый лес, да злой ветер завывал в ночи…

– А сейчас, когда мы выкурили трубку мира, можно начать военный совет. – когда длинная трубка вернулась к нему, заговорил первый. – Что скажешь, брат Овод?

Тот самый – в черкеске, брат Овод, поднял руку с раскрытой ладонью.

– Нас звали, брат Следопыт. – сказал он. – Люди ждут нас. Они попросили помощи.

– Я тоже скажу, брат Следопыт. – вскинул руку третий.

– Говори, брат наш Чингачгук.

– Стало быть, одни мы у народа остались. Потому что так и есть – звали…

– Слышал и я. – заговорил первый. – И там, и здесь люди слёзы льют, справедливости ищут. Ищут, не находят. Думают, что её и нету.

– А ведь могут и не найти, и не дождаться они этой самой справедливости. – вздохнул тот, кого называли брат Овод.

– Если мы им не поможем.

– Давай поможем, брат Следопыт.

– Согласен, брат Овод!

– Отправляемся?

– Да, брат Чингачгук! Прямо сейчас. Выступаем! Хау. Я всё сказал.

Так кто же они такие, эти люди, что собрались у ночного костра? Куда отправляются? Что они замышляют – добро, зло?

Не дала ответа на этот вопрос чёрная беззвёздная ночь. Не мог ответить и шквалистый ветер, что мчал к лесу на своих шумных крыльях проливной дождь.

Молчал и лес. Из которого, в направлении далёкого города, горящего многочисленными электрическими огнями, двинулась неведомая громада.

Не будем и мы забегать вперёд. Лучше рассказать с того момента, как всё это начиналось.

Деревянный поезд

Гражданская война. Воюют граждане. Свои, одной страны жители. Воюют.

По всем дорогам, во все стороны, как могут, бегут поезда: какие-то быстро, какие-то еле-еле, какие-то очень недолго – Бах! Жах! Та-та-та! Вот и нет поезда, пылают головешки или катится громада под откос… И всё равно ведь едут! Одни поезда везут на фронт красных, другие туда же белых, да разные иностранные полки, которым тоже нашлось, за что повоевать на просторах России.

А вот ещё один поезд. С частыми остановками, со скрипом и тряской, мчит он не солдат, не матросов – а простое бывшее мирное, а сейчас кто его знает, какое, обывательское население. Несёт этих людей с севера на юг России – и неизвестно, будет ли там им лучше? А то ведь может и хуже. А, может статься, и вообще никак не будет – война… Но до отказа набит деревянный вагон.

Вот и они: Мишка с Дуняшей. Брат и сестра, сорванцы и близнецы. Жили они в своём малом городке, горе с радостью мешали. Думали, так будет всегда. А тут вдруг раз! – революция! Непонятное что-то поднялось, закрутило-сорвало всех с мест. И теперь кроткая мать-старушка, что состарилась раньше времени, увяла до срока, работая в душном подвале текстильной мануфактуры, везёт их подальше от города, где только и жди потрясений и новых несчастий, в пышное, богатое продуктами село, к своей родной удачливой сестре. Да только зря, не в ту сторону везёт – на благословенных южных землях России начинается самая жаркая, самая кровавая и яростная борьба за власть.

Но ни о чём подобном добрая милая мамушка не догадывалась, когда с толпой таких же, как она, отправлялась в путь. Слушала, что говорят люди, пугалась – и только крепче прижимала к себе своих ребят. Одни они у неё остались на свете. Только бы добраться, только бы доехать. А там, в тёплом хлебном краю, может, повезёт – и жизнь наладится.

Шальные у неё ребята, непослушные. Но сейчас не дерутся – и то слава Богу. А ведь обычно как сцепятся – и не растащишь.

Дуняша лежит на верхней полке и читает книжку. Подобрала у разграбленного дома – и читает теперь, не оторвать. Самая смышлёная Дуняша была, говорят, в церковно-приходской школе. Да что толку-то?

Ночь, темно в вагоне, болтается только тусклая керосиновая лампа под потолком, да Дуняша держит у лица свечной огарок, не в силах оторвать глаз от строчек.

– Косы спалишь – будешь знать!

Это Мишка. Ох, как он изнывает от безделья – то почешется, то потянется, то дёрнет сестру за пятку (за что получает этой же пяткой по маковке), то пытается смотреть в тёмное окно, за которым всё равно ничего не видно. Замучил он дремлющих под стук колёс пассажиров – ведь в вагоне и так тесно. Но пока Мишка ничего особенного не делает, его никто и не трогает. Однако, скучно хлопцу – да и как с его буйным характером усидеть на месте?..

Не выдержал он, вскочил – да и отвесил сестре фофана. Чтобы жизнь не казалась ей мёдом.

Тум-м! – тут же получил книжкой по тыкве.

– Мишка, да отстань же!

– Ну чего ты там валяешься, скучно же… – жалобно проныл Мишка, поднимая к сестре несчастные глаза.

– Книжка такая интересная. – вздохнула Дуняша. И чуть не заплакала.

Мишка – добрая душа, тут же запрыгнул на полку, куда сестра его до этого не пускала. Утешать, понятное дело, запрыгнул.

– А чего плачешь?

– История, Мишка, уж больно хорошая.

Книжки были беспокойному Мишке до далёкой звезды. Как из школы выставили его, так он в последний день занятий все книжки, что разложены были у учителя арифметики на высокой кафедре, и обплевал. В знак протеста. А уж работать когда пошёл – совсем о них забыл. Но дорога длинная, делать нечего, спать не хочется. Дуняша всегда интересно рассказывает. Пусть уж жарит про книжку.

– Про чего книжка-то? – спросил Мишка, пихая сестру кулаком в бок.

– На. – Дуняша сунула ему закрытую книгу прямо под нос. – Сам прочитай. Или разучился?

– Не разучился. – гордо пробубнил Мишка и прочитал. – Э Лэ Войнич… Про войну, что ли?

– Войнич – это фамилия такая у автора, – охотно объяснила Дуняша. – Но и про войну тоже. То есть про одного героя. Он придумал себе имя – Овод. Да, так он себя называл. Как вредное кусачее насекомое. Ух, от него врагам доставалось! Мощно он воевал, никому не давал спуску. Но однажды враги его всё-таки схватили. И вывели расстреливать. Но солдаты, которым нужно было в него целиться, не могли… не хотели в Овода стрелять, потому что очень его уважали…

Вроде, интересно говорила сестрица, а непонятно. Мишка даже разозлился.

– Ну-ка говори по-людски! – нахмурился он. – А то сейчас как тресну!

Аж мамушка, которая на лавке притулилась, глаза открыла, забеспокоилась – знать, опять её дети по привычке сцепились.

– Деточки, не ссорьтесь! – взмолилась она. Послушала – вроде тихо. И опять задремала.

Дуняша гордо посмотрела на брата и бросила ему в лицо:

– Давай, давай, бей… А Овод был такой смелый, такой бесстрашный. Ничего не боялся. Да. Я тоже так хочу… Овод много страдал – от таких дураков, как ты. Вот и стал сильным и этим… несгибаемым. Овод – герой.

Мишку аж мороз по коже продрал. И как-то интересно ему так стало.

– Ого! – он попытался вырвать у сестры книжку. – Дай, я сам…

Но Дуняша хлопнула его по рукам.

– Не трогай! Я сама прочитаю, слушай. Вот, его враги расстреливают. «…Овод слегка пошатнулся, но не упал. Одна пуля… поцарапала ему щёку, кровь хлынула на белый воротник. Другая попала в ногу выше колена. Когда дым рассеялся, солдаты увидели, что он стоит, улыбаясь, и стирает изуродованной рукой кровь со щеки. – Плохо стреляете, друзья! – сказал Овод. – Попробуйте ещё раз!.. По шеренге пробежал ропот. Каждый карабинер целился в сторону, в тайной надежде, что смертельная пуля будет пущена рукой соседа, а не его собственной. А Овод по-прежнему стоял и улыбался им… Опустив карабины, солдаты в отчаянии смотрели на человека, уцелевшего под пулями… – Пли! – крикнул полковник… Нельзя было допустить, чтобы Овод сам командовал своим расстрелом.»

Мишка очумел. Вернее, не так нужно было назвать то чувство, что поселилось в его широкой душе.

– Вот это да! – только и сказал он. И тут же попробовал представить себя на месте Овода. – А я бы, я бы так смог?..

– Ты – вряд ли, орясина бестолковая. – отрезала Дуняша. – Всё, не мешай, хочу дочитать. Вдруг… – она сдавленно всхлипнула. – Вдруг он всё-таки выжил… Или отец спас его…

И девочка, крепко схватив книгу, снова погрузилась в чтение. Стучал по рельсам поезд, мчался, разрезая тёмную южную ночь. Спали в вагоне пассажиры, моталась, чадя и поскрипывая, под потолком керосиновая лампа.

Мишка, спрыгнув с полки, затосковал. Ну нечего ему было делать, нечего. И томило его что-то, звало куда-то, жгло горячую голову, распирало душу. То пройдётся он по вагону, задевая людей и получая тычки и нелестные отзывы; то заглянет матери в корзинку; то прилипнет носом к окну. Без толку.

Не выдержал. Снова забрался к сестре на полку.

– Подвинься, спать буду, – как бы и ни при чём заявил он. – Ну, так чего там случилось-то?

Дуняша посмотрела на брата – и Мишка её прямо не узнал! Преобразилась. Выпрямилась, высоко подняв голову, и устремила взгляд в даль.

– Тебе не понять, Мишка… – произнесла она. – Всё, ты меня больше не узнаешь. Ты живи себе, как придётся, в кости-бабки играй. А я хочу быть героем.

– Дуняша, ты чего это? – Мишка даже испугался.

– У меня революция, – заявила девочка.

Оглядев храпящих и сопящих соседей, Мишка развёл руками.

– Дык.. Это… У всех революция.

– А ещё – у отдельно взятой меня. – продолжала преображённая Дуняша. – Забудь свою сестру Дуняшу. В честь великого героя, борца за идеалы я беру себе имя Овод. Пусть меня называют теперь только так.

– И мамаша?

– Да.

Мишка задумался, не зная, как ему теперь и быть.

– А я? Кем мне называться? Я просто Мишкой не хочу.

– Нужен герой. – серьёзно ответила сестра. – Чтоб ты хотел на него быть похожим. А пока нету, давай в меня поиграем.

Она соскочила в проход, Мишка следом.

– Стой там, – пихнула его в грудь Дуняша. – Целься. Ну, как будто целься. Ты – карабинеры. Солдаты, значит. Вы меня расстреливаете, а я смеюсь над смертью. Целься же! И стреляй. Как там…

Схватив с полки свечной огарок и книжку, она нашла нужную страницу, пробежала глазами волнующие строчки и напустила на лицо ещё большего героизма.

– Ну, стреляй!

– Бах! Тра-та-тах! – взялся палить Мишка из воображаемого карабина.

– Плохо стреляете, друзья! – повторяя за Оводом, воскликнула Дуняша. – Попробуйте ещё раз!

– Бах! Бах! Бах! – старался Мишка.

И вдруг… Бах! Ба-бах! Тра-та-та-та-та! Ба-бах! – раздались настоящие выстрелы. С жутким безрадостным скрипом поезд начал притормаживать, качнулся вагон. Вскочили испуганные люди. Мишка и недобитый Овод не удержались на ногах и упали на пол.

– Что такое? – заметались пассажиры.

– Белые?

– Красные?

– Батюшки-святы, сохрани и помилуй! – перекрестившись, схватила себя за толстые бока тётка, что сидела рядом с мамушкой.

Выстрелы, что раздаются откуда-то с улицы, звучат то ближе, то дальше. Кажется, что те, кто стреляет, то догоняют поезд, то отстают. А что там на самом деле, в темноте, и не разобрать.

– Дуня, Миша, не зашиблись? – испуганной курочкой бросилась мать к Мишке и Дуняше. – Поднимайтесь. Спать, спать давайте!

Загнала их на верхнюю полку, забилась в свой уголок, замерла, прислушиваясь.

Ух, и помчался тут поезд! Загудел его гудок, как бешеные, застучали колёса.

– Знать, уходим от кого-то. – с пониманием дела сказал усатый дядька, который всю дорогу обнимал тугой мешок.

– Банда? Банда нас преследует? – закудахтала мордастая девица с хитрыми глазками и сложенными в бантик губками. – Говорили мне добрые люди – опасно, ох, страшно нынче в дорогу пускаться, пропадёшь ни за грош…

Не на шутку встревожились все. И только Мишка и Дуняша воодушевились на своей верхней полке. Забарабанили ногами от нетерпения, зафыркали.

– Мишка, ты понял, – приключения! Героическая борьба! Овод храбро бьётся с многочисленным противником! На саблях! И побеждает…

– Да как же – побеждает! Меня на нашей улице никто победить не мог. Получи!

– Решительный выпад!

– Мощный удар!

И, соскочив с полки, близнецы продолжили сражение. Схватив, точно саблю, костыль какого-то пассажира, Дуняша бросилась на Мишку. Который отбивался свёрнутой в трубочку старой, ещё царских времён, газетой.

Ну, только этого ещё не хватало!

– Дьяволы, прости, Господи! – взвизгнула девица с губками бантиком, спешно поджимая ноги. – Да что ж вы творите!

– А ну-ка сядьте! Успокойтесь!

– Цыть, сказано! А то из поезда сейчас выброшу!

– Ух, я им сейчас ремня всыплю! – зацыкали на них со всех сторон.

– Миша! Евдокия! Деточки, прекратите…

Со свистом рассекал воздух костыль, Мишка лихо уворачивался, высоко прыгал, мелькая, точно циркач. Так что достать ребят не было никакой возможности. Не помогали уговоры матери, не пугала стрельба, которая снова приближалась.

Герои падали, умирали, поднимались вновь – и бросались в бой.

Поэтому не сразу, совсем не сразу оба бесёнка услышали тихий голос ещё одного пассажира, что сидел в самом тёмном углу.

– …Когда я был маленьким и ходил в гимназию, мы с моими товарищами тоже любили одну книжку. И она повествовала о героях – североамериканских индейцах. А среди них жил один бледнолицый, как называли людей нашей расы индейцы. И был он особенно отважным воином, метким стрелком, прекрасным охотником, за что и получил имя Следопыт. Краснокожие, то есть индейцы, жили на своей родной земле, охотились, воевали – порой один краснокожий воин оказывался сильнее нескольких десятков белых. Но их было мало, а земли, на которой они жили, много. Вот на их-то землю и зарились люди, что приплыли из Европы. Они стали сгонять с неё доверчивых краснокожих, которые поначалу приняли бледнолицых как дорогих гостей. Убивать, не жалея ни детей, ни стариков, стараясь уничтожить всех – чтобы построить свои города и крепости. Постепенно индейцев, которых было гораздо меньше, чем белых людей, что плыли и плыли на новые «ничейные» земли, заставили жить в резервациях.

Мишка, что, прислушиваясь, даже уселся на пол, первым подал голос:

– Это что такое – резервациях?

В почти тёмном вагоне никто не увидел, как улыбнулся безвестный пассажир. Который принялся объяснять:

– А это поселения в пустыне и на самых неудобных землях, где краснокожим – истинным хозяевам этого континента, позволили жить!

Настала очередь возмутиться Дуняше.

– «Позволили!» Какая несправедливость! – воскликнула она и ударила в пол костылём.

А костыль-то оказался этого самого пассажира!

– Спасибо, это мой… – поблагодарил он, отбирая костыль. И продолжил. – Да, несправедливость. Начались Индейские Войны… Краснокожие сражались отчаянно, потрясая своих противников храбростью и военной смекалкой. Но силы были до того неравными, что…

– Что?! – не утерпел Мишка.

– Что теперь осталось очень мало индейцев… – горько вздохнул рассказчик. – Но я о другом. Благородный Следопыт был истинным другом краснокожих. Он жил среди них, и индейцы считали его своим братом. Сколько бы войска бледнолицых ни предлагали ему предать индейцев и перейти на их сторону, Следопыт не соглашался.

– Потому что он хотел, чтобы была справедливость – и индейцев не сгоняли с их земли? – подала голос Дуняша.

– Примерно так. У Следопыта был верный друг – индеец Большой Змей. Или, по-индейски, Чингачгук. Вместе они совершили много подвигов.

Следопыт… Это он – тот, кого не хватало Мишке в жизни! Ну конечно!

– И что он, Следопыт, делал-то? Чьи следы пытал? – Мишка подскочил вплотную и ловил каждое слово дядьки с костылём.

– А любые. – произнёс тот. – У него был очень острое зрение, поэтому индейцы дали ему за это ещё одно имя – Соколиный Глаз. Он безошибочно умел определить по следам, кто это прошёл, когда и куда. Стрелял без промаха – Следопытом восхищались и белые, и индейцы. И никогда, никогда не был предателем, сколько бы раз ни принуждали его к этому коварные бледнолицые. Вот эта книга.

Странный пассажир вытащил из своего большого саквояжа потрёпанную книгу.

Мишка, не спрашивая разрешения, выхватил её из рук рассказчика. И начал листать, в полумраке вглядываясь в мелкие буквы. Мать и Дуняша не узнавали Мишку…

Негромкий добрый голос интеллигентного пассажира утихомирил бучу в вагоне. Ни стрельбы уже не было слышно – оторвались, стало быть. Ни недовольных криков. Люди вновь уселись поудобнее и задремали.

Мишка с книжкой устроился на верхней полке, принялся читать, водя пальцем по строчкам – давно с буквами не общался, отвык. Но ведь захотелось, очень про Следопыта прочитать захотелось!

И теперь одна Дуняша, затаив дыхание, слушала рассказ таинственного пассажира.

– …Так мы играли в краснокожих и бледнолицых. В индейской традиции мы давали друг другу имена, которые рассказывали бы или о подвигах этого человека, или о его особенностях. У нас были Храбрый Орёл, Быстрый Мустанг… Следопытом был мой друг детства, Никита… Он считался самым зорким, отважным и ловким из всех нас. Чингачгук – Василий, не отставал от него.

– А вы?

– Я мне доставались роли коварных бледнолицых. Я имел мягкий характер, не мог отказать, да и надо же кому-то быть злодеями, иначе игры не получится… Но всеми фибрами души я желал оказаться благородным краснокожим, что боролись за свою независимость!

На верхней полке Мишка подскочил так, что крепко треснулся головой.

– И я хочу!

Но пассажир ничего на это не ответил и продолжал:

– Иногда мы менялись ролями. И я становился Следопытом! Гордость переполняла меня…

И пока он, прикрыв глаза ладонью, стал предаваться воспоминанием детства, Мишка, соскочив с полки, заявил сестре:

– Всё, теперь ты не узнаешь меня, Дуняша. Называй меня своим индейским братом Следопытом.

Сестра не стала возражать.

– Хорошо, брат Следопыт. Буду. А ты меня…

Но договорить она не успела. Загремели выстрелы. Поезд резко остановился. С полок и лавок посыпались люди.

– А-а-а, грабят! – раздался истошный женский крик.

– Белые или красные? – в испуге вновь всполошились люди. Каждый, видно, боялся чего-то своего…

– Банда! О, Господи…

Что-то стучало по деревянным стенам вагона, звенели какие-то железяки. Очевидно, кто-то пытался открыть дверь в вагон. Стрельба на улице не стихала. Люди замерли.

Дзынь! Фыр-р-р-р! Чпок! – пуля пробила окно, ударила в единственную лампу. Свет померк. Ветром, влетевшим в разбитое окно, загасило жалкий Мишкин огарок.

Паника. В темноте начиналась паника.

– Что с нами будет?

– Страх-то какой…

– Где мы? Кто там, на улице?

– Ужасное что-то творится… С севера Ленин со своими красными жмёт.

– Не говорите ерунды!

– Истинный крест! Белогвардейцы отовсюду наступают! И ещё этот неуловимый батька-бандит. Этого чёрта с любой стороны ожидать можно… Так что кому мы в руки попадём…

– А-а-а!

Дверь с грохотом откатилась в сторону. Несколько человек с фонарями и факелами в руках ворвались в вагон. Банда! Убивать? Грабить?..

– Оставайтесь на местах, господа пассажиры! – освещаемый железнодорожными фонарями, что держали возле него двое приспешников, весело закричал молодой жилистый бандит – очевидно, главарь. – Не хватайтесь напрасно за своё добро. Было оно ваше, а теперь – наше. Попрошу золото и ценности предъявить сразу.

– Нет, кому жить неохота, могут покобениться. – манерно добавил появившийся из-за его плеча коренастый кудрявый бандит с маленькими напомаженными усиками. Как у франта из кинематографа.

– А ну, покажи, мамаша, что у тебя в узле? – главарь склонился над толстобокой тёткой.

И пошли ребятки шерстить узлы и чемоданы! Приклады винтовок, шашки, пистолеты и обрезы – поди тут, начни сопротивляться. Так что хочешь – не хочешь, а с имуществом расстанься, мил человек. Если жизнь, конечно, дорога.

– Ой, пожалейте, мы люди бедные! – взвыла мордастенькая девица.

Стоп. Вот она, красотка – губки бантиком. Бандит с напомаженными усиками тут же её приметил.

– Да разве ж мы злодеи, мадамуазель? – манерно извернулся он, не сводя глазок с пухляшки. – Нынче свобода. И для людей, и для их имущества. Осмелюсь спросить, нет ли у вас каких вещиц, которые бы вы хотели отпустить на свободу? Этот браслетик, например?

Остальные бандиты и освобождаемые от материальных излишков пассажиры аж замерли. И, затаив дыхание, следили за кудрявым усатиком. Пристрелит он сейчас эту толстую козу без всяких разговоров. И зачем болтает девка, погибель себе ищет?..

Но вместо этого… получил по рукам сам усатик. Молодая пухляшка шлёпнула его ладонью и, тоже манерно, заявила:

– Нет. Но если бы кто-то бесстрашный освободил для меня что-то ещё… покрасивше, подороже – да хоть бы вон тот граммофон! Я бы с этим героем – в огонь и водичку…

Она ещё не договорила, а кавалер уже созрел. Вмиг схватив с колен испуганной тётеньки граммофон, он с поклоном преподнёс его красотке:

– Об чём разговор? Прошу. Подарок шикарной женщине от Вениамина. От меня, то есть.

Так они и познакомились. Красавица назвалась Маврой. И больше она ни на шаг не отходила от прекрасного Бени. Только крепко прижимала к себе граммофон, который быстренько завернула в шаль.

А банда тем временем с удовольствием продолжала грабить. Пассажиры жалобно просили не лишать их имущества – но, конечно же, их мало кто слушал.

Однако, что это? Заржали кони у вагона, послышались крики, стрельба. И в дверь ввалилось ещё несколько лихих людей. Впереди них двигался мордоворот в новом кожухе и старой тельняшке. Весь, по последней моде, перекрещенный пулемётными лентами. Неужто морячок в кожухе порядок сейчас наведёт? Потому что вот он что закричал:

– А ну, отвечайте, вы кто такие? Кто народный суд над буржуями-эксплуататорами мешает творить? Кто справедливость наводить не даёт?

– Да какая же это справедливость?

– Какие ж мы буржуи! – ахнули на своей полке Мишка и Дуняша. Они совсем не могли взять в толк, что происходит. И кто тут хорошие, а кто плохие.

Жилистый бандит не растерялся. На время оставив грабёж, он, распихивая ногами барахло в разные стороны, двинулся к новенькому – явно своему знакомцу.

– О, кого я вижу! – ласково, но жёстко скалясь, начал он. – Петюня, снова перебегаешь мне дорожку? Я пришёл первым. А твоя банда…

– А моё независимое войско присмотрело этот поезд раньше. – рявкнул модный матрос в крестьянском кожушке. И всем стало понятно, что они ошиблись – пощады не будет. – Но у моста вот упустили… Так что освободи вагоны.

Зацокали затворы, ощетинились взведённым оружием обе лихие стороны. И если б не Беня, мирный добрый Беня, началось бы такое смертоубийство, что мамочка дорогая…

Поделить. Всё по-братски поделить – вот что предложил он. Хватит всем, поезд большой.

– Да, – закончил Беня. – Добра тут много. Что мы – бандиты какие? Давайте всё тихо-мирно разделим. Это вот – нам, то есть мне… Это вам. Нам. Вам…

Строго друг друга контролируя, разбойнички продолжали планомерно грабить. И подобрались к тихому интеллигентному дяденьке, что рассказывал Мишке с Дуняшей про индейцев.

– Чего сидишь, как король на именинах? – жилистый главарь нетерпеливо ткнул его пистолетом. – Что в саквояже?

– Уверяю, вам это не пригодится. – тихо, но спокойно произнёс пассажир – кажется, единственный здесь, кто держался с достоинством.

Как – не пригодится? Раз «не пригодится» – значит, это как раз то, что надо! Бандиты обеих шаек гурьбой бросились к нему.

– А ну – покажь! – Схватился за его потрёпанный саквояж жилистый бандитский главарь.

– Мы же культурные люди, – добавил Беня, по своей привычке улыбнувшись, отчего зашевелились блестящие напомаженные усики. – Мы культурно интересуемся.

И не успел Вениамин как следует покопаться в саквояже друга индейцев, как испуганные голоса послышались с улицы: «Красные! Красные на хвосте!»

– Заводи машину! – бросив своих в вагоне, метнулся к выходу главарь в пулемётных лентах – видать, более смышлёный. – Драпать надо!

А первый, злобно сплюнув, несколько раз выстрелил. Чуть дрогнул друг индейцев – и остался неподвижно сидеть. Сорвал главарь злобу, пришёл в себя – и бросился на улицу.

Забегали, заметались братцы-бандюки. Рука одного из них дотянулась-таки до заветного саквояжа, открыла. И… посыпались из него на грязный пол книги, книги, книги.

– Тю-ю… – увидев это, расстроился Беня. Выскочил из вагона и вытащил свою кралю за собой. – Всего-то добра. Буржуйская радость. Плиту ими растапливать.

Где машинист? Где помощник? Куда делись? Неужели пристрелили их в суматохе? Или спрятались где, затаились, пережидают? Так или иначе, только не удаётся заставить поезд стронуться с места. Паля и ругаясь, бросились обе банды занимать оборону. Уходить-то поздно – вот они уже, красные!

Бой! Настоящий бой завязался там, на улице, при бледном свете начинающегося утра. В ужасе расползались пассажиры кто куда. А Миша и Дуняша, не слушаясь мать, бросились к своему замершему без движения новому знакомому. Мать перепуганной толпой вынесло на улицу – и напрасно она кричала им, чтобы покидали вагон, прятались. Ребята её не слышали.

Кровь. На груди дяденьки была кровь – густая, обильная, пропитавшая уже всю его одежду. Но он, кажется, был ещё жив. Потому что открыл глаза – и даже, как

увидели брат с сестрой, улыбнулся. Недаром Мишка подобрал фонарь обходчика вагонов и махал им у лица раненого.

– Ребята, – чуть слышно произнёс он. – Я умираю, но это не страшно. Моя чахотка унесла бы меня ненамного позже. Бегите. Постарайтесь спастись. И книги. Если можно, сохраните мои книги.

– Сохраним! – пообещала Дуняша, и слёзы брызнули из её глаз.

– Отбили поезд у бандитов? – спросил раненый.

– Ага! – улыбнулся Мишка.

– Кто?

– Красные, наверно, – подала голос Дуняша, что ползала, собирая книги по полу. – Это хорошо или плохо?

– Решайте… сами. – ответил пассажир.

И ещё хотел что-то добавить. Но жахнула где-то пушка – и снаряд разнёс половину вагона в щепки. И книги, и умирающий пассажир, и Дуняша с братом полетели в разные стороны. Вагон загорелся.

– Ура-а-а! – мимо близнецов, что очутились на земле, мчались красноармейцы с винтовками наперевес, скакали верховые – чуть Мишку не затоптали.

– Не мешайтесь под ногами! – Откинули их далеко в сторону артиллеристы, что прикатили пушку, установили и принялись оглушительно палить.

Туда, сюда. Осторожно, внимательно. Сюда не суйся, отсюда отползи, под копыта не лезь! Да, вот так встретили утро ребята… Бой откатился дальше – и Мишка с Дуняшей смогли подобраться к горящему вагону. Там, где-то там поблизости должна быть мамаша, где-то там упал друг индейцев.

– Найдём, Дуняша, не боись! – уверял Мишка, рыская среди обломков, дымящихся головешек и горящих досок.

Тут и там пробегали люди, кто-то выбирался из ям и оврагов – и среди мелькающих в сером сумраке утра фигур Дуняша приметила родную мамушку.

– Мама! – закричала она.

– Дуняша! – закричала мать сквозь слёзы радости. Ведь она была уверена, что её дети погибли.

– Мы здесь!

– Я нашёл, Дуняша! – издали завопил Мишка, и Дуняша его услышала. Она, оглядываясь на мать, помчалась к нему.

– Миша, Дуня, идите немедленно сюда! – кричала мать. – Обещали поезд сейчас пустить.

– Да, мама, да!

Но тот, кого нашёл Мишка, был уже мёртв. Закрылись его глаза, и даже руки заледенели. Пассажир лежал тихо, точно и не был никогда живым, не ходил, не говорил, ничего не рассказывал.

– Он умер, Мишка, умер! – плакала Дуняша. И хотя вокруг лежали другие убитые люди, девочка рыдала именно над этим человеком.

Мишка хмурился, сдерживая слёзы. Что он должен сделать, как поступить?

– Дуняша, надо похоронить его. – решил он. – Отнесём его вон к тем деревьям. Подальше от дороги.

Так они и сделали. Подхватили убитого и потащили.

И пока Мишка с Дуняшей укладывали своего недолгого друга в его последнюю постель на дно свежей воронки, пока засыпали землёй, встало солнце. Появились красноармейцы, не теряя драгоценного времени, столкнули с рельсов разбитые вагоны, собрали из оставшихся состав и предложили людям грузиться.

Раздувая пары, паровоз медленно тронулся.

Мамушка! Вместе с уцелевшими пассажирами уезжала милая-хорошая мамушка!

Выскочили ребята из-под деревьев и побежали. До линии железной дороги далеко, да и поезд короче стал. Но мать там осталась, мама. Вот она, кажется, издалека видно – высунулась из разбитого окошка, протягивает руки. Да, она! «Миша, Дуняша!» – кричит. Но только разве догонят ребята поезд? А он всё набирает и набирает скорость, и поют на его крыше под гармошку красноармейцы. Машут ребятам – думают, наверно, что просто так они бегут за поездом, вроде как провожают… И кричи, не кричи – стук, скрежет, грохот. Не услышат.

Вот только хвостик поезда показался – и растаял в утреннем тумане.

Брат и сестра бежали вдоль рельсов, пока были силы. И когда силы закончились, тоже бежали.

Поезд затих и исчез. Не сговариваясь, упали Мишка и Дуняша в высокую траву. Они плакали – теперь уже и Мишка не стеснялся.

Когда вернётся теперь к ним мать? Как найдёт? Поняли ребята, что остались они теперь друг у друга одни. Но всё-таки они ведь вместе. Как, впрочем, и были всегда. Просто по бесшабашности своей этого не понимали… Не они первые, не они последние остались без отца, без матери. Такое время. Война.

Что же им делать? Ведь они совсем, просто совсем-совсем ничего не понимают в том, что происходит. Но ведь Мишка с Дуняшей такие молодые, бойкие, смышлёные. Поэтому обязательно поймут, разберутся. На то она и дана, эта молодость.

А поезда всё несутся во все стороны страны, катятся вперёд история и время. Попадают под их колёса люди. Кому-то удаётся из-под них выскочить, а кого-то история переезжает, давит, губит. Как нужно правильно встать, где оказаться, чтобы не попасть под кровавое колесо времени, – а остаться человеком, да и ещё кого-нибудь за собой вытянуть?..

Трубка-пистолет

У дымящихся остатков разбитых вагонов отыскали Мишка и Дуняша книги – сколько смогли. Поклонились могилкам тех, кого разбившие бандитов солдаты зарыли здесь же, у железнодорожной насыпи.

И отправились к могиле своего друга по поезду.

– Ваши книги… – начала Дуняша. – Мы собрали.

– И которая про Следопыта – тоже вот она… – Мишка вытащил из-за пазухи книгу Фенимора Купера.

– Мы сохраним их.

– Мы же обещали.

– Мы постараемся во всём разобраться. Да. Сами.

– И вы нами будете гордиться.

– Правда.

И вот, поздним вечером у трескучего костра сидят Мишка и Дуняша. Но на кого же они похожи? Почему так изменились? Узнать-то их можно, но…

Что это за штаны такие на Дуняше – явно бывшие Мишкины? А теперь в их боковые швы вшита лохматая бахрома. И куртка на Дуняше тоже Мишкина, и рубаха. Да только какие-то… индейские. Причудливо порезанные, в перьях и бусинах – где только она их понабрала? Хотя что – у поезда подушка разодранная валялась. А бусины – на шее у Дуняши были старенькие бусики, вот и весь ответ.

А Мишка одет во что-то явно с чужого плеча. Наверняка сумку или баул бесхозный там же подобрали – раз свою там не нашли. Значит, не опередили

ребят шустрые мародёры. Бус и Мишке досталось. Украшенный головным убором из длинных гусиных перьев – на рисунке в книжке у индейца точно такой же, парнишка набивает табаком из подобранного возле железнодорожной насыпи кисета настоящую индейскую трубку. Её он только что вырезал из палки перочинным ножичком. А сестра украсила перьями, бахромушками и бусинами на верёвочках. Красиво получилось – как у индейцев. Хорошо, что в книге картинок так много оказалось…

А на лицах – что же у них на лицах! Полосы, точки, зигзаги – синие, красные и чёрные. Чтобы добиться настоящей боевой индейской раскраски, в ход пошло всё – и химический карандаш, и тонкий уголёк, и дамская алая помада, что ребята нашли в раздавленной банке.

День, а за ним и следующий, прошли после разгрома поезда – и вот у ребят, что всё это время валялись на пустынном берегу тёплой речки (местность тут была на редкость безлюдная), купались и читали книжки, наметилась, можно сказать, стратегия жизни. Мать, решили Мишка с Дуняшей, видела их, а потому поняла, что они живы. Может, не так убиваться будет. А они её найдут рано или поздно, обязательно найдут.

Сейчас было важно другое. Что делать – вот на какой вопрос предстояло ответить. Как жить, куда подаваться искать правду…

…– Куда отправимся-то, а, Мишка?

– Я ж тебе сказал, что я – не Мишка. – ощетинился Мишка-неМишка.

Девочка, одетая теперь мальчиком, смутилась.

– Да уж помню, брат Следопыт…

И порывистый Мишка тут же сменил гнев на милость.

– Вот то-то, брат Овод. Унывать нам теперь нельзя. Как говорится, – он многозначительно постучал по книжке Фенимора Купера, с которой теперь не расставался, – мы вышли на тропу войны. Так что надо определяться с обстановкой. Я, как вождь нашего благородного племени краснокожих, вызываю

отряд на военный совет.

«Отрядом» была Дуняша, она же Овод, имя которого она решила носить.

– Выкурим трубку мира. – церемонно произнёс Мишка, поправляя перья, которые то и дело съезжали набок из его головного убора.

– Да, вождь. – согласилась Дуняша.

Вождь, то есть Мишка, поднял к небу свою трубку, отчего закачались все её украшения, выковырнул из тлеющего костра уголёк, раскурил табак. Сморщился, но, не теряя возвышенной церемонности, с поклоном передал трубку сестре. Дуняша повторила ритуал вслед за братом – и с таким же поклоном вернула трубку ему. И только тогда сплюнула.

– Тьфу, пакость какая! Аж в нос шибануло!

Невозмутимый Мишка заговорил, помахивая трубкой в воздухе.

– Как ты считаешь, мой индейский брат Овод, какие задачи стоят перед нашим племенем в первую очередь?

Дуняша наморщила лоб. И сказала:

– Я думаю, вождь, без политики мы теперь никуда. По сведениям достоверных источников, то есть бледнолицых, которые ехали с нами в поезде, «белогвардейцы отовсюду наступают, с севера Ленин со своими красными жмёт»…

– И ещё батька-чёрт где-то там вредит! – забыв о солидности, присущей вождю, подскочил Мишка. – Я тебя понял, брат мой Овод! Значит, смотри, как всё понятно получается: белогвардейцы – это ж они и есть, бледнолицые собаки!

– Точно! – согласилась Дуняша. – Бандюки эти, что поезд грабили, – койоты вонючие! А который чёрт…

– Да – кто это?

– А чёрт его знает. – Дуняша задумалась, подбирая злодею подходящую кличку. – Раз чёрт – значит, чёрный… Это по-индейски будет… Давай, Чёрный Лис! Да, хитрый Чёрный Лис! А Ленин, который вождь красных… Красный Олень!

– Ленин-Оленин. – Мишке тоже хотелось что-нибудь придумать. – Отлично! Соображаешь, брат Овод!

– Стараюсь, брат Следопыт. – Дуняше, конечно же, была приятна Мишкина похвала. – За кого должны быть краснокожие в этом случае?

– Я так думаю, что за красных, мой краснокожий брат. Кто благородно поезд отбил у бандитов, этих поганых койотов?

– Красные. Значит, не дурак у них этот Ленин.

– Раз они красные, значит, за индейцев. – продолжал развивать мысль Мишка.

– А значит, тогда, они за справедливость! – горячо добавила Дуняша.

И решение у Мишки созрело окончательно. Он ничуть не сомневался в том, что говорил.

– Выходит, – заявил он без тени сомнения, – нужно нам, мой индейский брат Овод, к красным подаваться.

– Да, вождь.

– Я всё сказал. Хау. – произнёс Мишка и, как делают настоящие индейцы, поднял к плечу раскрытую ладонь.

– Хау. – эхом ответила сестра.

Как же хорошо, когда всё определилось! Как хорошо, когда цель ясна, а мир вокруг прост и понятен! Многие поколения предков Миши и Дуняши работали на других людей – еле сводя концы с концами, трудясь от зари до зари, прибавляли и умножали их капиталы, продлевали их благоденствие, а также благоденствие

их детей и приживалов. Уверенные, что есть люди более значимые и менее ценные, униженно кланялись господам и «знали своё место» в этой жизни. А разве не созданы люди равными друг другу, разве чем-то они друг от друга отличаются?

Эти справедливые слова слышали когда-то брат с сестрой от революционных агитаторов – и только теперь поняли их смысл. С которым они, конечно же, были согласны. Мишка и Дуняша помнили, как адски тяжело работала на мануфактуре их мать, как выбросил на улицу хозяин их отца, когда тот покалечился на работе. Как тяжело доставался им хлеб, как смеялись над ними дети богатых. И, конечно же, они не хотели, чтобы такое вновь случилось. Ни с ними, ни с кем-нибудь ещё.

Так что всё ясно.

К красным.

И теперь юным героям, что двинулись отыскивать дорогу к красным, предстояло выбрать направление, сориентироваться и узнать, кем же занята данная местность. Они долго брели по лесным тропинкам, полевым стёжкам. Но, как только за негустой рощицей показалась большая дорога, вдруг раздались голоса. Кто это? Свои? Чужие? Лихие люди? Или мирные?

На всякий случай отважные индейцы решили затаиться и, не выдавая своего присутствия, всё разведать.

Голоса приближались. Мишка и Дуняша осторожно выглянули из овражка.

Тю! Да это же старые знакомые – Беня и Мавра. И откуда же их только несёт? Чем это они так нагружены? А, ну понятно, чем – всем тем, чего красавчик Беня в поезде награбил. Вот ведь парочка – баран да ярочка, идут, песни поют.

– Да ещё и целуются, фу. – суровый брат Овод отвёл глаза.

Но брат Следопыт ничего не имел права упускать. А потому он следил за парочкой, не отрываясь.

– Ох… – дебелая Мавра сбросила узлы себе под ноги. – И когда ж мы дойдём – а то у меня аж спина трещит! И чем ты занимаешься-то, друг ситный? Так на большой дороге и…

Кавалер, тоже аккуратно пристроив на землю барахлишко, тут же козликом запрыгал вокруг Мавры.

– Ни-ни, золотая моя! На дороге – да. На большой – правильно. Но. Одно маленькое «но». У этой большой дороги я содержу кабачок! Да! Сам я мирный, всем властям угодный. А бандитизм, моя ясная пани, это ж просто увлечение. Балуюсь – для радости сердца. И с новинками всякими знакомлюсь. А как иначе у нас тут, в глуши…

Брат Овод, слушая это, негодующе засопел. И снова выглянул из овражка. Но разговор двух голубков ещё больше смутил его.

Потому что Беня, подкрутив утерявшие помадный блеск усики, обнял пышную красотку и замурлыкал:

– Ну так что мне на это скажет прекрасная Мавра? Не желает ли она стать хозяюшкой при всём этом добре и любящем муже?

Прекрасная Мавра, оглядев кучу добра и представив ту, что имелась в доме у большой дороги, конечно же, ответила, что она очень желает и замуж за Беню согласная. Будущая кабатчица так манерилась и жеманилась, что Дуняша вновь с негодованием фыркнула и сползла на дно оврага. И только раздавшийся выстрел заставил её спешно подняться и посмотреть, что случилось.

А это бандит Беня пальнул из нагана в воздух. Обрадовался, жених.

– Ай, моя булочка! Мы будем жить весело и культурно, как в лучших домах Парижа и Лондона. С музыкой, с танцами!

Засунув револьвер в карман, Беня вытащил из пожитков граммофон. Пристроив к нему трубу, он принялся крутить ручку. Заиграла музыка – и, прямо на тропинке, молодые бросились в пляс.

– Вот гад, этим же самым наганом он в нас тыкал. – сквозь зубы пробормотал Мишка. – Хороший наган.

– Ты-то откуда знаешь, что хороший? – поинтересовалась справедливая Дуняша.

– Вижу индейским оком.

– Ясно. Но, вообще-то, брат Следопыт, негоже краснокожим без оружия воевать. – зашептала Дуняша, не спуская с парочки глаз. – Отобрать бы наган в честном бою, а?

– Рискнём, брат Овод. – и глаза Мишки загорелись живым огнём. Вытащив свою индейскую трубку, он сжал её в руке, как будто не трубка это была, а боевой пистолет. – Слушай план операции: на тропе войны главное – стремительность.

– Это я и без тебя знаю… А план-то?..

– Дуняша…

– Я пошутила, вождь.

– Ладно… Ты заходи справа.

– Будет сделано, вождь! – откликнулась Дуняша, пряча улыбку.

– Раз, два, три – выскакиваем!

И не успели Беня и Мавра глазом моргнуть, как с грозным боевым кличем перед ними очутились одетые индейцами подростки. Нет, не видели ни Беня, ни Мавра в своей жизни такого, а потому остановились они, обнимая друг друга, точно громом прибитые.

– Руки вверх, поганый койот! – тыкая в Беню трубкой-пистолетом, рявкнул Мишка.

– Руки вверх, хитрый скунс! – воскликнула Дуняша у самого лица Мавры.

Что можно было подумать, увидев перед собой разукрашенные хари и перья?

– Нечистая сила! – заголосила Мавра, в ужасе грохнулась на землю и накрыла голову трубой, что сорвала с граммофона. Так она и застыла, стараясь вся вползти под эту трубу и затаиться там, будто её, Мавры, тут никогда и не было.

А Мишка и Дуняша тем временем окружили Беню. Который был белее мела.

– Ты стервятник – раз, не вырыв топора войны, творишь бесчинства! – помня слова индейцев из книжки, рычал Мишка.

– Мародёрство – это низко! – не отставала Дуняша, помня то, что вытворял Беня в поезде.

– Сдавай оружие – или прощайся с жизнью! – ткнув Беню трубкой в бок, потребовал Мишка.

– Или прощайся с наганом! – грозно добавила Дуняша.

– С наганом, с наганом! – продолжая заползать под граммофонную трубу, отчего всё её пышное тело колыхалось на зелёной травке, не своим голосом пропищала Мавра. Конечно, Беня – будущий муж, ей был нужен живым. А наган – дело наживное, при Бениных-то способностях и увлечениях.

Слова Мавры возымели действие. К тому же, её зад и спина, что никак не желали умещаться под граммофонной трубой, красноречиво дрожали и призывали к жизни. А потому, истово перекрестившись, Беня вытащил из кармана наган и протянул его Мишке.

Ухватив оружие, Мишка тут же отошёл на шаг назад.

– Ну, и иди теперь с миром. – выпучив глаза, приказала бандиту Дуняша. – Иди. Поля Вечной Охоты призовут тебя позже. Хау.

– Хау. – повторил за сестрой Мишка, махнув наганом в сторону Бени. И, ткнув носком сапога в граммофонную трубу, предложил. – И ты, дрожащая тушка, выбирайся и делай ноги.

Мавре не нужно было повторять два раза. Вскочив – так до сих пор с трубой на голове, она ткнулась в Беню и, чуть не сбив его с ног, заголосила. Труба усиливала её вопли – казалось, трубил слон средней упитанности.

– Мамочки… – едва удержавшись на ногах, простонал бандит-любитель.

И – на всю округу раздался индейский боевой клич: «Хи-и-ий-юп-юп-юп-яй-я-я-я!»

– Ку-ка-ре-ку-у-у-у! – присоединился к нему другой голос. Ничего более подходящего из того, что слышали в своей жизни, брат с сестрой припомнить не смогли.

Подхватив манатки и свою подругу, которая из-под граммофонной трубы продолжала истошно голосить: «Нечистая!», Беня умчался прочь. Туда же, кстати, откуда и пришёл. Минута – и они скрылись за лесом.

Мишка и Дуняша, с трудом стараясь унять волнение, уселись под деревьями. И начали новый военно-полевой совет.

– Ну что, брат Овод. – улыбнулся Мишка, протягивая сестре наган. – Вот мы и приняли боевое крещение.

– Да, брат Следопыт!

– Мы настоящие индейцы!

– Хау.

У красных

По лесной дороге двигался конный отряд красноармейцев. Молодые солдаты ровно держали строй и, не сбиваясь, пели звонкую песню:

Рвутся снаряды, стучат пулемёты.

Но их не боятся красные роты.

Красноармейцы счастливы – и это выражали их открытые простые лица. Счастливы, что едины и потому непобедимы, что идут защищать и строить свою новую свободную страну, в которой они будут жить гораздо лучше. Они в неё верят – да и чего ж не верить?

Смело мы в бой пойдём

За власть Советов.

И как один умрём

В борьбе за это!

Поют красноармейцы. Умирать, конечно, любому страшно. Но почему-то греет этим людям души мысль, что их борьба – это подвиг, что она не напрасна, что когда-нибудь они победят, и счастливое время обязательно наступит… И тот, кто кладёт свою голову в этой борьбе, умирает, радуясь: пусть не он, так его товарищи поживут в новом справедливом и правильном мире. Который и идут они строить. Откуда вдруг взялось такое количество этих людей в те давние романтические времена? Куда же они попрячутся в будущем?

Ведут отряд командир и комиссар – закалённые во многих боях солдаты, коммунисты.

И вот уже показалась поляна, на которой отряд расположился лагерем.

– Сто-о-ой! – раздался приказ командира.

Бойцы принялись рассёдлывать лошадей, а командир и комиссар прошли в штабную палатку и, разложив на столе военную карту, заговорили.

– Я понимаю, комиссар Сидоренко, мы собираемся ударить по белогвардейским флангам. Но к сожалению, мы очень слабо знаем местность. – взволнованно говорил командир. – То есть, без серьёзной разведки, на которую уйдёт никак не меньше трёх дней, начинать наступление нельзя. Это значит – вести людей на

верную смерть.

Однако комиссар Сидоренко был с ним не согласен. Сдерживая негодование, он произнёс:

– Вы рассуждаете не по-пролетарски, командир. Наши люди пойдут не на верную смерть. Или вы считаете, что погибнуть за дело революции – это напрасно? Это честь, высокая честь!

Командир твёрдо возразил:

– Но это не сделает мне чести, как военному командиру! Мы на войне, комиссар. И для диктатуры пролетариата важно её выиграть, правильно? Война должна вестись по правилам. И эти правила мне хорошо известны. Прежде, чем отправлять бойцов сражаться, я должен разведать обстановку, я…

– Командир, вы говорите как белый шпион!

– Я – белый шпион? – командир был явно потрясён. – И почему? Потому, что не хочу, чтобы люди глупо умирали, наткнувшись на вражескую засаду? Выскочат наши бойцы на лошадках – а там пулемётчики на холме залегли. Это и будет смерть за идею революции? Так может, проще нам взять, и расстрелять всех наших красноармейцев сразу, своими силами? Какая разница, как им погибнуть за революцию!

Ярость переполняла комиссара Сидоренко.

– Что?! – подскочив, воскликнув он и схватился за револьвер. – И это говорите вы, красный командир? Да я на вас…

Командир спокойно и твёрдо посмотрел ему в глаза. Однако, хоть это несколько и охладило комиссара, активности ему не убавило. Он забегал вокруг стола, держась за деревянную кобуру своего оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nesterina_elena/krasnye-d-yavolyata-remake

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити